

Колдовской замок. Часть I. Двери

Автор:

[Кае де Клиари](#)

Колдовской замок. Часть I. Двери

Кае де Клиари

Молодая девушка, малознакомая компания, шалость под пивными парами, несчастный случай, и вот уже вместо пикника – ледяная вода, пронизывающий ветер, острые камни, сдирающие кожу и... неожиданное пробуждение в удивительном месте похожем на сказочный замок, где обитают необычные существа, происходят самые разные странности, а двери ведут в иные миры. Куда попала юная Анджелика? Сможет ли она выбраться из Колдовского замка, да и захочет ли?..

Сказка для детей, которые готовятся стать взрослыми, но не корчат из себя взрослых, и для взрослых, которые не забыли, что они на самом деле подростки дети, но кое-что повидали уже в этой жизни

.....

Эта книга является результатом фантазии автора. Любые совпадения имён, прозвищ, географических и прочих названий, терминов, а также возможных событий и ситуаций, являются случайными.

Все герои этого произведения достигли восемнадцатилетнего возраста или давно уже миновали его. В эпизодах, где упоминается или изображается детство этих же персонажей, отсутствуют сцены насилия, секса и любого аморального поведения, как самих героев, так и их окружения.

Автор гарантирует отсутствие в произведении нецензурной брани, порнографии, педофилии, изображения насилия и аморального поведения за исключением тех

случаев, когда речь идёт об осуждении этих явлений.

Внимание! В романе допускаются сцены с употреблением табачных изделий и спиртных напитков, чрезмерное употребление которых вредит здоровью. Автор присоединяется к мнению о пользе полного исключения табака, алкоголя, наркотиков и прочих средств, наносящих вред здоровью и разрушающих человеческую психику, и призывает своих читателей поддержать его в этом.

.....

Посвящаю эту книгу своему другу и названному брату

Чарльзу Коттеру, в обществе которого я провёл лучшие

годы своей жизни.

Кае д' Клиари

.....

Защищено авторским правом.

Категория 18+

Глава 1. Ветер и волны

Ветер и волны. Дождь. Нет не дождь, ливень хлещет жёсткими, холодными бичами по чёрной ледяной воде. Ветер и волны несут безжизненное тело, играют с ним, переворачивают, бьют, треплют. Её звали, (зовут?), Анджелика. С буквой "д" в середине и ударением на "е", а не на "и". Почему? Неизвестно. Дурацкая фантазия родителей, из-за которой она натерпелась в жизни всяких бед.

Нет, пожалуй, теперь уже звали, а не зовут. Тело больше не служит ей, да она его уже и не чувствует. Боль прошла давно, и вместе с ней исчезло ощущение жизни. Холод тоже не чувствуется, дыхание замерло, а сердце, которое готово было выскочить из груди, когда она попала в воду, превратилось в комок сжавшейся холодной плоти.

Почему не гаснет сознание? Может быть, оно вообще не погаснет, а будет продолжать жить в её теле после смерти, даже когда оно начнёт разлагаться? Какой ужас... Душа никуда не собирается улетать. Никакого тебе тёмного туннеля со светом в конце, никакого полёта над собственным трупом...

Волна снова накрыла её, погрузив с головой в непроглядный мрак, и разметала длинные волосы.

Это не важно, ведь дыхания всё равно нет. Тогда почему усилилось ощущение темноты? Так глаза всё это время были открыты? (Они что, видят?) Этого ещё не хватало! Видеть после смерти, думать после смерти! Хорошо ещё тело потеряло чувствительность, а то когда мясо начнёт слезать с костей...

Внезапная боль в правом колене, сильная и острая. Что это? Снова боль, теперь в плече, как от удара палкой. (Я чувствую?!) Волна бросает тело назад, потом резко вперёд. Под коленями что-то хрустит и боль повторяется. Дурацкая мысль – модные драные джинсы стали теперь ещё моднее. Рука натывается на камень и хватается за него. (Чья рука? Моя рука? Но ведь я же...)

Волна накатывает снова. Она тащит назад, в глубину, туда, где ты останешься навсегда, где тебе самое место – мёртвой и холодной. (Но я жива! Я чувствую, я вижу, я сейчас вдохну!) Негнущиеся пальцы соскальзывают с камня, колени и пальцы ног перестают ощущать берег (это был берег? отмель?), вода забирает тело обратно.

Боль в запястье... Теперь в волосах... Снова в запястье... Тяжесть. Страшная тяжесть и... полёт! Полёт? Да, полёт в воздухе, уже не в воде. Переворот и снова боль, жуткая боль во всём теле, которое сотрясается в страшных конвульсиях, извергая из себя... воду!

Резкий свет бьёт в глаза. Всё-таки туннель? Нет, скорей костёр, потому что свет неровный, мерцающий. Глаза видят его через водяную плёнку, но вот веки

смыкаются, открываются снова и становится понятно, что это не костёр, а воткнутый в землю факел. И ещё что-то.

Руки. Черные руки, покрытые звёздами. А, понятно, они в чёрных бархатных перчатках, шитых серебром и жемчугом, эти руки, которые давят ей на грудь, тяжело и больно. Но вот руки отстраняются, и в лёгкие адской болью врывается поток холодного воздуха, и бьёт и режет, как стая бешенных ледяных кинжалов! Потом ещё и ещё раз! Боль постепенно уходит.

(Я дышу?!). Сознание гаснет, мир со всех сторон заволакивает серая шевелящаяся тьма, оставляя в середине лишь точку факела, но вскоре он тоже пропадает.

.....

Она стояла на хлипких прогнивших мостках и смотрела на воду. Смотрела, сама не зная зачем. Идея поехать с друзьями на пикник была, самая что ни на есть, дурацкая. Да какие там друзья! Все они едва знакомы, кроме Кристи, которую она знает с детства и называет подругой, хотя подруга из Кристи, как из негра Белоснежка!

– Андж, иди к нам!

Дура эта Криста и по-дурацки перевирает её и без того непростое имя. Надо, наверное, присоединиться к компании, а то как-то неудобно. Да вот только не хочется! Сейчас бы оказаться дома, запереться, выключить телефон, погасить свет...

Смех сзади. Мгновенное чувство зависти. Им хорошо и весело всем этим пустоголовым "друзьям" и её милейшей подруге Кристе! Они в своём кругу, в своей компании, им уютно, они смеются идиотским шуткам, пьют пиво, выдуриваются, как хотят, а она здесь чужая!.. Нет, всё-таки придётся к ним вернуться, а то совсем нехорошо получается.

Анджелика повернулась, чтобы пойти на берег, но тут раздался глупый смех Кристи, и совсем близко оказалось её улыбающееся лицо. И руки. Руки, приближающиеся к плечам Анжелики... Руки толкающие...

У Кристи, с ранних лет, была дурацкая привычка толкаться. Сколько народу получило из-за неё уйму синяков и шишек! Сама Анджелика, ещё в школьные годы, не раз летала из-за этой дурынды со школьной лестницы и не только с лестницы. Однако ни уговоры, ни наказания на Кристу не действовали. Правда, до сих пор, всё обходилось благополучно. Но не сейчас...

Получив внезапный толчок, Анджелика не успела переступить и сгруппироваться. Да и переступить-то собственно было некуда! К тому же

подошвы дешёвых кроссовок предательски проехали по осклизлым доскам, и... планета Земля выскользнула из-под ног симпатичной юной девушки, а холодная быстрая река охотно приняла её в свои объятия.

.....

Она проснулась. Было темно, тепло и мягко. (Где я? И... кто я?) Ну, конечно же, это постель, но постель незнакомая. Внезапно вспомнилось – берег реки, скользкие доски и толкающие руки. А что дальше? Дальше ничего не было. Только темнота. Девушка села в постели, но тут же со стоном опустилась на подушки. Всё тело болело, и было налито какой-то свинцовой тяжестью. (Я в больнице?) Не похоже.

Первое открытие – тьма вокруг не кромешная. Она тёмно-серая, а не чёрная и в ней имеется светлое пятно. Непонятно, что это. Как будто свет проникает через не очень плотную ткань. Открытие второе – это действительно ткань, кровать занавешена ею со всех сторон. Балдахин? Кровать под балдахином? В жизни не спала в такой кровати. (Да где же я на самом деле? Надо всё-таки попробовать сесть.) С четвёртой попытки это удалось. Постанывая и поскуливая, девушка приняла сидячее положение. Тело болело и ныло.

(Меня, что, били?) Да, били. Ветер и волны. Теперь она это вспомнила. А ещё камни. Коленям досталось основательно, но они были целы, хоть и расцарапаны. Левое плечо тоже пострадало, даже слегка распухло. Однако кости, похоже, целы все. (Наверное, я вся в синяках!) Кожа так и горит.

Хотя, постойте. Это жжение не от синяков и царапин. (Я вся натёрта какой-то мазью! Ой!)

Открытие третье – она же голая! Ну конечно, она лежит в незнакомой постели нагишом, избитая, расцарапанная и натёртая жгучей мазью с весьма ощутимым травяным запахом. (Может быть всё-таки это больница? Необходимо выяснить.) А для этого нужно кого-то позвать.

– Э-эй!

Она, что действительно это сказала? Нет, ничего не получилось. Голоса нет. Из саднящего горла вырывается какой-то хрип. Неплохо было бы оглядеться, а для этого надо найти, где раздвигается полог. Выход нашёлся с другой стороны от светового пятна. Ткань, оказавшаяся очень нежной на ощупь, (шёлк?), бесшумно раздвинулась, и в глаза ударил яркий свет.

Нет, конечно, он не был ярким, это ей так показалось от длительного пребывания в темноте. Свет был как раз неярким и неровным. Его источник находился по другую сторону кровати, но его было вполне достаточно, чтобы осветить небольшую комнату весьма странного вида.

Первое, что бросилось в глаза, это стена напротив. Она была каменной, эта стена. Сложенной из грубо обтёсанного камня, и с небольшим стрельчатым окном, расположенным так высоко, что заглянуть в него можно было, наверное, только встав на цыпочки. Но заглядывать в окно уж точно было незачем – за мутным стеклом лишь непроглядная темень. К стене был придвинут резной деревянный столик вычурной формы. На нём, в живописном беспорядке, теснились какие-то диковинные сосуды самых разных форм и видов. Рядом располагался простой трёхногий табурет с вытертым сидением. (Дизайнер надизайнил.) Какая-то средневековщина. Да, это точно не больница.

Сделав над собой усилие, девушка спустила ноги на пол. Он оказался застеленным толстенным мягким ковром. И никаких признаков обуви. Кроссовки? Ах да, ведь их, практически сразу, сорвало и унесло мощным течением. Но тут нет даже самых простеньких тапочек. Ладно, это ещё ничего. А как быть с одеждой? Блузка со стразами, джинсы и бельё бесследно исчезли! Попробовать завернуться в одеяло? Нет, не под силу. Оно слишком тяжёлое и большое. Но не сидеть же тут вечно, терзаясь сомнениями и догадками. (Вылезу так, вроде рядом нет никого, а если что – сразу обратно!)

Этот выход получился не самым изящным. Ноги болели и не слушались. Ей казалось, что они хромают обе сразу, и она едва не растянулась, сделав первый шаг. Но вскоре чувство равновесия, вернулось из каких-то глубин, и даже боль отступила.

Девушка обошла кровать, которая стояла посреди комнаты, и остолбенела! Если кто-то здесь "надизайнил", то он постарался на славу!

Комната была не такой уж небольшой, она вмещала в себя несколько шкафов, набитых огромными книгами совершенно древнего вида. Посреди противоположной стены пылал внушительных размеров камин. Его свет и был тем пятном среди мрака, которое она увидела, когда открыла глаза. Этот свет бросал неровные блики на каменные стены, на шкафы с книгами, на деревянный потолок, на рыцарские доспехи, стоящие в углах комнаты, и на глубокое кресло возле камина, из которого медленно поднималась чёрная высокая тень...

- Вы уже проснулись, принцесса Анджелика?

Голос был мужской, сильный и слегка скрипучий. Старчески скрипучий. (Или это только показалось?)

С проворством, никак не соответствующим её состоянию, девушка юркнула обратно под защиту балдахина и от испуга не сразу сообразила – тот, кто встал из кресла, назвал её по имени! Она – Анджелика!

(Я, Анджелика!) Сразу всё вспомнилось. Никчёмный, чужой пикник, скользкие мостки, Криста, её толкающие руки... Вот дура!

Тяжёлые шаги, приглушённые ковром, приблизились к кровати. Тёмный силуэт загородил огонь камина.

- Я вижу вам уже лучше, принцесса Анджелика, надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной вечернюю трапезу. Ах, да... Я пойду, поищу для вас какую-нибудь одежду.

Шаги удалились, негромко скрипнула дверь. Разделить трапезу? Анджелика внезапно почувствовала волчий голод, и он, как ни странно, придал ей сил и

смелости. Да, она не прочь разделить вечернюю трапезу, но с кем? (И почему это я, принцесса?)

Времени прошло... Ну, скажем – уйма. У Анджелики не было часов, и она не могла сказать наверняка, сколько на самом деле прошло времени. Но вылезти из кровати под балдахином было невозможно. Незнакомый мужчина мог появиться в любую минуту и увидеть её, а этого нельзя было допустить – она просто на месте сгорела бы со стыда!

Между тем разделить с ним вечернюю трапезу хотелось нестерпимо, а перед этим необходимо было сделать ещё кое-что. Даже больше – если это кое-что не удастся сделать в ближайшее время, произойдёт катастрофа, перед которой появление перед кем-то в обнажённом виде показалось бы детской игрой!

Но вот, наконец, скрипнула дверь, и раздались знакомые тяжёлые шаги. Они проследовали к кровати, и над самым ухом прозвучал мощный, слегка скрипучий голос, от которого лёгкий полог заколыхался, как живой:

– Низжайше прошу прощения, высокородная принцесса, но я не смог найти ничего кроме этого. Пожалуйста, не стесняйтесь и ничего не бойтесь. В моих владениях вам не грозит ничего такого, что человечество связывает с бедой и горем. Уверяю, ваших ножек не поранит ни камень, ни железо, ни дерево, а все ваши тайны останутся здесь навеки, как сокровища этого замка. Ужин накрыт за этой дверью. Прошу пожаловать, как только будете готовы!

Шаги удалились, и дверь снова скрипнула. Анджелика опасливо выглянула через проём в занавесах. На табурете лежало что-то белое, объёмное и пушистое. Девушка вылезла из кровати и взяла это белое в руки. меховая шубка. Лёгкая, как пёрышко, нежная, как дуновение весеннего ветерка, едва прикрывающая бёдра, едва сходящаяся на груди. (Здорово! Я буду похожа на стриптизёршу. На стриптизёршу в синяках и ссадинах.) Никакого белья и, по-прежнему, никакой обуви. Значит, придётся ходить полуголой и босиком. Прекрасно! Положение можно охарактеризовать словом "влипла". Правда, до сих пор, непонятно – во что? А всё же, куда теперь идти?

Здесь обнаружилось, что в комнате две одинаковые двери, расположенные с торцов кровати. Которая из них? Анджелика выбрала наугад ту, что была от окна слева. Открыла её. Перед ней оказалась вполне приличная ванная комната,

современная, изящно оформленная, совмещённая с ватерклозетом.

"Ура!"- крикнул кто-то внутри Анджелики, и она резко захлопнула за собой дверь.

Прошло некоторое время. Не будем уточнять, сколько его прошло на самом деле, но дверь этого помещения отворилась, и через комнату решительно проследовала посвежевшая и приободрившаяся принцесса, к костюму которой прибавилось махровое полотенце, обёрнутое вокруг бёдер. Вторая дверь открылась со знакомым скрипом, и девушка замерла на пороге.

Ужин был действительно накрыт в небольшом вестибюле прямо за дверью. Это помещение оказалось углублением с двумя смежными глухими стенами, одной стеной с дверью (из которой она только что вышла) и коридором, расположенным перпендикулярно, вместо четвёртой стены. Посередине располагался узкий длинный стол, по-видимому, являющийся частью местной архитектуры, так как через него проходило несколько изящных тонких колонн, поддерживающих готическую арочную конструкцию.

То, что было на столе, превосходило всяческое воображение. Поначалу Анджелике показалось, что весь стол уставлен тортами, но нет, это были искусно оформленные блюда. Наверное, легче было сказать, чего здесь нет, чем то, что здесь имелось. Варёного слона не было точно. Ещё не было динозавра-гриль, а всё остальное, было.

(Меня принимают за обжору!) Эта мысль мелькнула и погасла. Но девушка справилась с собой. Она, неторопясь, подошла к столу и вопросительно уставилась на стоящего по ту сторону... (монаха?). Так, по крайней мере, ей показалось, ибо фигура, возвышающаяся с другой стороны стола, напоминала именно монаха в чёрной рясе с капюшоном.

Монах был какой-то средневековый, не современный, (правда она в этом мало что понимала), высокий, даже очень высокий! Капюшон полностью закрывал лицо. Анджелике даже подумалось – а есть ли у него лицо? Он стоял неподвижно и безмолвно, рассматривая свою гостью. Эта чёрная фигура внушала невольный страх. Одна только мысль успокаивала девушку: (Если бы он хотел сделать со мной, что-то скверное, то давно уже сделал бы!)

И тут она увидела его руки. Они были в чёрных бархатных перчатках, шитых серебром и жемчугом. Перчатки были длинные, уходящие в раструбы рукавов, так что не было видно даже самой узкой полоски кожи. Она вспомнила эти руки! Вспомнила, как они подняли её из воды почти мёртвую, как переворачивали, словно куклу или скорее, как младенца, как давили на грудь, возвращая дыхание.

(Он, наверное, очень сильный. Я ведь не пушинка. И я обязана ему жизнью. Надо что-нибудь сказать, поблагодарить.) Но язык так и присох к нёбу. И все же Анджелика разлепила губы и уже вдохнула, чтобы пролепетать какие-то слова, но тут человек в чёрном предостерегающе поднял руку.

– Ни слова, принцесса, ни слова! Ваше горло ещё не готово к речи. Вот, прошу, выпейте этого вина, оно смягчит голосовые связки и разогреет кровь.

И он что-то налил из небольшого кувшинчика, в бокал такого тонкого стекла, что он казался сделанным из лёгкого тумана, почти невидимого в руке. Что-то тёмно-красного цвета.

– Прошу, присядьте, принцесса!

Он указал ей на стул с очень высокой резной спинкой. Анджелика взяла бокал и села на предложенный стул. Вино оказалось очень сладким и крепким.

(Кагор? Нет, у кагора не бывает такого травяногопривкуса.)

– Это вино изготовлено по рецепту самого Христиана Розенкрейцера и выдержано в течение пятисот лет, – прокомментировал монах. – Оно обладает чудодейственной целебной силой, конечно если человека вообще можно исцелить.

"Наверное больших денег стоит!" – подумала Анджелика. Она где-то читала про драгоценные вина столетней выдержки.

– Оно абсолютно бесценно, – последовала реплика из-под капюшона.

(Он, что, мысли мои читает?) Девушка испуганно посмотрела на незнакомца и вдруг поняла, что он улыбается. Лица под капюшоном по-прежнему не было видно, и Анджелика так и не разобралась, с какой стати она так решила. Вино, между тем, стукнуло в голову и разлилось по жилам горячей лавой. Голова тут же куда-то поехала.

– Однако мы заговорились, а уже давно пора приступать к еде. Позвольте предложить вам вот это блюдо...

Незнакомец ни о чём не спрашивал Анджелику. Он предупредительно и изысканно ухаживал за ней, предлагая то одно, то другое кушанье и в итоге накормил так, что девушка уже смотреть не могла на еду. Сам он при этом почему-то к еде не притронулся.

– Не стесняйтесь, принцесса Анджелика, – приговаривал монах, – вы проспали двое суток и теперь я настойчиво рекомендую вам ещё отдохнуть.

(Ах вот оно как! Двое суток?! Откуда же он всё-таки знает моё имя? И почему называет принцессой?) Но глаза девушки уже начали слипаться.

– Спать, спать, спать! – приговаривал чёрный монах, беря её под локоть и провожая до двери той комнаты, из которой она вышла часом ранее. – Проснётесь – поговорим, а ещё, я покажу вам замок. Поверьте, здесь есть на что посмотреть, – и добавил, как бы про себя: Вот уж не думал, что под мою кровлю океан принесёт когда-нибудь Ангела!

(?!)(Океан?) Но дверь уже закрылась за девушкой, и она встала на пороге в нерешительности. (Какойещё океан?) Эпитет "ангел" ещё ничего, обычная

мужская лесть, ведь её имя это и означает – ангел, или скорее ангелочек, но причём здесь океан? Анджелика подошла к кровати и отодвинула полог. На

кровати было постелено свежайшее бельё. Как это? Ведь здесь только одна дверь, за которой она только что ужинала, вторая ведёт в ванную комнату, откуда никакого выхода нет. Вроде бы мимо никто не проходил, а хозяин всё время был с ней. Или, увлечённая едой, она просто не заметила кого-то, проходящего с кипой белья в руках? Как не хотелось Анджелике спать, она быстро развернулась и открыла дверь, в которую только что вошла.

Вестибюль был пуст. Пуст был и стол, с проходящими через него колоннами. От недавней обильной трапезы не осталось ни крошки. Анджелика попробовала представить себе несколько десятков слуг, за пару секунд уносящих многочисленные блюда и поняла, что ничего не понимает. Но тут усталость накатила, обрушилась на неё и девушка, махнув рукой на все загадки, скинула с себя свой незамысловатый наряд и погрузилась в уютный, тёплый мир постели.

Глава 2. Галерея

Она проснулась. Да, проснулась, а не очнулась, впервые за всё предыдущее время. Постель держала, звала – побудь во мне ещё немного, понежись! Но что-то тянуло навстречу подвигам, приключениям, (жизни?). Анджелика разлепила веки. Да, они почти склеились, и глаза неохотно согласились выполнить свою основную задачу – показать окружающий мир.

Мир оказался прост – та же ткань, та же стена и тот же столик, только теперь без всех этих сосудов, и даже табурет куда-то исчез. Шубка висела на гвозде, возле двери. Полотенца не было. (Ну иладно!)

Анджелика блаженно потянулась и одним прыжком выскочила из своего спального убежища. Стоя на ковре, в котором совершенно утопали её ступни, она потянулась ещё раз. (Какое блаженство!) Казалось, что она в жизни так не высыпалась! И ещё одна мысль засела в голову – "Что бы ни случилось потом, что бы ни произошло, я здесь, я сейчас владею собой, распоряжаюсь собой и делаю, что хочу!"

К довершению хорошего настроения из окна струился солнечный свет, в котором весело танцевали пылинки. (Странно, пыль здесь есть, но только в воздухе, а на вещах её нигде не видно.)

Но задумываться над такой ерундовой проблемой не хотелось – нет пыли, ну и хорошо! Анджелика быстро привела себя в порядок, "оделась", (чистое полотенце нашлось в ванной комнате), и вышла за дверь. Как и вчера, (вчера ли?), стол был накрыт, но хозяина не было. Вместо него на свободном месте

стола красовалась изящная подставка, вырезанная, по-видимому, из слоновой кости. На подставке, на манер школьного учебника, был закреплён кусок пергамента, на котором очень красивым витиеватым почерком было написано следующее:

"Дорогая принцесса! Нижайше прошу меня извинить, но неожиданные дела вынуждают меня отложить нашу беседу, которую я обещал Вам в прошлый раз, и которую сам ждал с таким нетерпением. Очень жаль, ведь мне так много надо Вам рассказать, а расспросить ещё больше. Но ничего, продолжим наше знакомство в другой раз, а сейчас я рад предложить моей очаровательной гостье этот скромный завтрак. Кушайте, поправляйтесь. Если желаете – после того, как насытитесь, посетите мою библиотеку, она в конце коридора направо. Книги, хранящиеся в Вашей комнате, вряд ли придутся Вам по вкусу, они посвящены специфическим научным вопросам, а вот основные фонды – это настоящее сокровище! Там Вы найдёте чтение по душе, я в этом уверен. Что же касается обещанной мною экскурсии по замку, то я вынужден ещё раз принести свои извинения за то, что её придётся отложить. Но Вы, конечно, здесь не пленница! Я не намерен Вас

запирать. Если хотите, походите по комнатам, но предупреждаю, что без провожатого, (а эту роль мне хотелось бы исполнить самому), эта экскурсия будет гораздо менее познавательной и даже может быть небезопасной. Впрочем, я обещал, что опасности не будут угрожать моей гостье, и обещание это сдержу. В крайнем случае, пришлю Вам своего помощника, но предупреждаю, что он существо экстравагантное и ненадёжное. Однако я заболтался и, конечно же, Вам наскучил. Завтракайте, отдыхайте, развлекайтесь. Ещё раз рекомендую Вам свою библиотеку для проведения досуга.

P. S.

Если некоторые двери не откроются перед Вами, не обижайтесь и не расстраивайтесь. Просто в этих помещениях находится нечто такое, что при осмотре требует моего обязательного присутствия".

Анджелика положила странноватое письмо на стол и призадумалась. Что и говорить, этот похожий на монаха загадочный человек спас ей жизнь, а она так и не смогла его поблагодарить. От этого девушка испытывала некоторую неловкость. Впрочем, это дело поправимое. Придёт время, и она выразит

благодарность своему спасителю, а пока она испытывала даже некоторое облегчение от того, что его нет рядом – таинственный хозяин замка внушал невольный страх!

Первое, что сделала Анджелика – это последовала совету автора записки и на славу позавтракала. Надо ли говорить, что еда здесь была отменная, и девушка встала из-за стола сытая и довольная началом дня.

Так, что теперь? Библиотека? Анджелика слегка наморщила носик. Она любила книги, и с увлечением читала их, предпочитая приключенческие романы с хорошим концом. Но сейчас её душа просила развлечений другого рода. Она ведь находилась в незнакомом месте, вдали от дома (странно, но почему-то сейчас разлука с родными и близкими её мало беспокоила), и это место, куда она попала таким, прямо-таки скажем, необычным и нелёгким способом, было таинственным, загадочным и интересным. Поэтому, завёрнутая в свою шубку и полотенце, искательница приключений, встав из-за стола, повернула не направо, как это рекомендовал ей лист пергамента, а налево, где посверкивали золотыми ручками двери неведомых покоев.

Если у Анджелики и были какие-то сомнения, то они касались, прежде всего, её оригинального гардероба. К шубке и полотенцу она начала уже привыкать, но её беспокоила возможная встреча с другими обитателями замка, (ведь живёт же здесь кто-нибудь, кроме этого таинственного монаха?).

И действительно, кто-то должен готовить все эти великолепные кушанья, стирать и убирать, (пыли ведь нет).

Поначалу, Анджелика хотела позаимствовать со своей кровати простынь, или пододеяльник, но не смогла разобраться в хитроумной системе всех завязок и застёжек, которыми те крепились к своим основам. Такое же фиаско она потерпела и с тканью балдахина.

За подобное отношение девушка немного досадовала на хозяина, ведь там, где есть кухня и стирка, там есть и женщины, у которых можно позаимствовать что-нибудь такое, в чём она могла бы выглядеть хотя бы прилично. Но, как ни странно, замок выглядел совершенно безлюдно. Если тут и были какие-то жители, (хотя бы слуги), они либо находились в отдалённых помещениях, либо умело прятались. Поэтому Анджелика вышагивала по о-очень длинному и

широкому коридору с о-очень высоким потолком в совершенном одиночестве.

Меньше всего её беспокоило отсутствие обуви. Во-первых, в этом не было ничего неприличного, а во-вторых, пол устилали такие пушистые и мягкие ковры, что идти по ним было одно удовольствие. Ну не заимствовать же длинноносые железные башмаки вон у того рыцарского доспеха! А может надеть его на себя целиком? И прилично, и о-очень грозно!

Представив себя в гроыхающих железных латах, Анжелика беззаботно расхохоталась. (Ой, голос вернулся!) Её смех вдруг запрыгал по коридору, как

теннисный мячик, отскакивая от стен, от висящих тут и там щитов с гербами, стоящих в нишах ваз, и вдруг скрылся за покрытой искусной резьбой дверь, как будто ушёл за неё по своей воле, и затих где-то вдалеке.

Анжелика озадаченно остановилась. Никогда ещё не слыхала она такого странного эха. Однако мало ли что может показаться? Может быть, она попросту ослышалась!

А вот дверь заинтересовала её. Дело было даже не в резьбе, украшавшей поверхность, а в надписи, сделанной замысловатыми, но какими-то знакомыми буквами. Подойдя поближе, Анжелика с удивлением обнаружила, что понимает эту сложную вязь! Написано, (точнее вырезано), на двери было следующее:

"О прекрасное создание, способное к высшему осознанию чувств! Войди в эту дверь и приобщись к божественным творениям, достойным внимания истинных ценителей!"

Ничего не поняв из прочитанного, Анжелика положила руку на ручку двери, и легонько нажала. Дверь открылась беззвучно, и девушка переступила порог. Она очутилась в небольшой галерее, в какой обычно выставляются произведения искусства. В отличие от коридора, тут на полу не было ковра.

Пол был из гладкого отполированного до зеркального блеска мрамора. Здесь и в самом деле стояли скульптуры. Их было немного, всего четыре. Ближайшая изображала орла, в полёте, высматривающего добычу. Скульптура была настолько выразительной, что не верилось в её искусственность – орёл явно собирался ринуться камнем вниз на ничего не подозревающую жертву. Другая

представляла собой арфу. Потрясающе, но вся она, даже струны, были сделаны из розового камня, и хоть не было слышно ни звука, девушка готова была поклясться, что различает какую-то мелодию! Следующая – кисть винограда и различные фрукты в вазочке на

столике. Они дышали жизнью, сладостью, и манили, наполняли рот слюной! Не верилось, что они не настоящие, и, тем не менее, это тоже был камень. Последняя была, наверное, самой тонкой работой, потому, что это был розовый куст, в натуральную величину, украшенный распустившимися цветами и бутонами. Анджелика смотрела и чувствовала их аромат, хотя никакого аромата не было. Она хотела подойти поближе, и лучше разглядеть эти дивные розы, но тут...

Густой сладкий туман опустился на сознание девушки, и она покачнулась. Её подхватили и не дали упасть чьи-то тёплые ласковые руки. Мужские руки. Они придержали её за плечи, погладили по спине, по шее, по груди. Это было так приятно, что Анджелика прикрыла глаза и отдалась вся во власть этих божественных рук! А руки, между тем, расстегнули шубку и лёгким движением сбросили её на пол. Полотенце тоже упало от их прикосновения. Сладкая дрожь пробежала по телу девушки, когда эти руки прошли по обнажённому животу, поднялись вверх, поиграли с сосками её груди, затем опустились к бедрам и легли на лоно, мягко нажимая и поглаживая. Девушка охнула и...

– О-о-ах! – крикнул кто-то в её подсознании, и мгновенно очнувшись, Анджелика сделала прыжок вперёд, вырываясь из ласкающих рук.

Она тут же резко обернулась. Прямо перед ней в небольшой нише стояла пятая скульптура. Это была статуя обнажённого мужчины, который, наверное, был образцом мужской красоты. Однако сейчас девушка не обратила внимание на мускулистую фигуру, красивое приветливое лицо с очень живыми глазами, на внушительное и анатомически идеальное мужское достоинство, неприкрытое никакими фиговыми листочками. Сейчас ей было просто страшно. Очень страшно!

Подхватив свою шубку и полотенце, Анджелика пулей вылетела в коридор и захлопнула за собою дверь! Впопыхах напяливая на себя пушистое одеяние, и не попадая в правый рукав, она старалась восстановить сбившееся дыхание и невольно прислушивалась. Может быть, у неё разыгралось воображение, но ей тут же послышался за дверью шорох и звук шагов!

Взвизгнув от ужаса, в наполовину одетой шубке, бедняжка опрометью бросилась по коридору и с размаху влетела в первую попавшуюся дверь, даже не заметив на ней надпись – "СТОЛЕТИЕ".

Глава 3. Столетие

Анджелика с размаху влетела в темноту и тут же обо что-то споткнулась. Она не упала, но сделала замысловатый скачок, словно балерина в бешеном танце, взмахнула полотенцем и благополучно встала на комод. (Комод?! Какой комод?)

Высокий резной деревянный комод, уставленный разными безделушками, среди которых были: старинные часы, семейство мраморных слоников, какие-то бронзовые собачки, подсвечники со свечами и она – изящная фарфоровая статуэтка – обнажённая нимфа в шубке, надетой на одно плечо, и с развевающимся полотенцем в руке.

Где-то мелодично и нежно пропело множество голосов: "Столетие! Столетие! Столетие!" Этот хор становился всё тише и тише, пока не перешёл

в шепот: "Столетие! Столетие!", и голоса умолкли совсем.

"СТОЛЕТИЕ!" – грохнули часы над самым ухом, но Анджелика не подпрыгнула и не испугалась. Она внимательно осматривала комнату, где стоял комод. Хотя сказать, что это полноценный осмотр было нельзя. Двигаться она не могла, не могла также вертеть головой, и даже глаза оставались неподвижными. Комод был приставлен к дальней стене, статуэтка стояла на нём как бы боком, и потому на окружающий мир приходилось смотреть только краем правого глаза. Но на смежной стене, неподалёку висело зеркало в богато украшенной раме, и благодаря нему можно было оценить обстановку с большим успехом.

Несомненно, это была спальня. Красиво отделанная и обставленная, но какая-то старомодная, вычурная, хотя явно очень богатая. Странно, но девушка совершенно не чувствовала ни страха, ни удивления. Всё было хорошо, всё было правильно, ей ничего не угрожало. Здорово было стоять на комоду и быть украшением этой замечательной спальни!

Где-то глубоко – глубоко, правда, крутились неясные мысли: "Я – фарфоровая статуэтка, значит, и мысли, и чувства, и желания у меня теперь тоже фарфоровые".

В комнату вошли двое – мужчина и женщина. Оба были молоды и очень красивы, хотя их вид показался Анджелике, каким-то странным. И дело было не в одежде (мужчина был в чёрном фраке, лаковых штиблетах и белоснежной манишке, женщина в белом платье с диадемой и фатой на голове – молодожёны), а в их лицах. Эти лица были почему-то очень знакомыми, но какими-то непонятными. Такое чувство, как будто видишь перед собой иностранцев – вроде люди, как люди, а что-то в них не так. И всё же они вызывали симпатию.

Женщина остановилась посреди комнаты и оглядела её горящими от восхищения глазами. На её лице было смешанное выражение счастья и смущения, она явно была в этой спальне в первый раз, и чувствовала себя неловко.

– Как здесь хорошо! – наконец проговорила она и оглянулась на мужа.

Тот стоял довольный, уверенный в себе и, улыбаясь, подкручивал кверху кончики пышных светлых усов.

– Всё для тебя, дорогая! – ответил он, подошёл к женщине и обнял её.

Но она высвободилась из его объятий и, обернувшись к комоду, с восхищением промолвила:

– Ой, какая прелестная вещица! Это кто? Венера или Галатhea?

И она взяла Анджелику в руки.

– Точно не знаю, – отвечал её муж, – возможно, это просто фантазия скульптора, какая-нибудь крылатая Идея с флагом в руке. Я не помню, откуда она взялась, по-моему, её здесь не было раньше. Наверное, чей-нибудь подарок.

– Нет, какие же это крылья? Это больше похоже на какую-то меховую одежду, вроде шубки, а это вовсе не флаг, а скорее полотенце. Может быть это

купальщица?

– А может просто испуганная нимфа, убегающая от сатира?

Мужчина снова обнял женщину. На сей раз она не отстранилась, но продолжала говорить:

– Кем бы она ни была, она миленькая и мне нравится! Пусть будет нашим талисманом. Спасибо, дорогой!

Она повернулась к мужчине и губы их слились в долгом поцелуе. И тут Анджелика не на шутку испугалась, потому что увидела самый жуткий кошмар всех фарфоровых статуэток – гладкий, твёрдый, паркетный пол! Но женщина протянула руку и сумела поставить статуэтку на место. В это время

мужчина подхватил её на руки и понёс к кровати. А потом...

Потом была жизнь. Бурные и нежные ночи, тихие дни, долгие беседы, ссоры с криком и слезами, затем примирения, слова любви, споры, взаимные обвинения, снова ссоры и опять любовь и нежность! Мужчина и женщина изменялись, становились старше, и вскоре в спальне появились дети. Сначала один, (мальчик), потом ещё двое, почти подряд, (мальчик и девочка – погодки), и ещё одна девочка.

Они не жили в спальне, но часто прибегали сюда, и тогда в тихой семейной обители становилось шумно и весело, но опасно! Опасно для Анджелики. Её часто брали с комода, особенно девочки. Они заворачивали статуэтку в какие-то тряпочки, укладывали в кроватку, кормили с ложечки и каждый раз заставляли холодеть от ужаса, когда тискали своими неловкими ручонками.

Подрастающие мальчишки тоже стали обращать на неё внимание и время от времени, (всегда тайком от родителей), рассматривали, краснея и пыхтя, высокую грудь, лебединую шею, крутые бёдра и испуганное лицо фарфоровой нимфы.

Время шло – дети выросли, их родители обзавелись сединой и морщинами, а фарфоровая Анджелика всё стояла на своём комоду не скучая, не старея, не

чувствуя неумолимого бега времени. Её мысли текли не как у людей, они и впрямь были фарфоровыми.

Конечно, она переживала, когда происходила очередная семейная ссора, (она полюбила этих людей и воображала себя одной из них). Она жалела ударившегося ребёнка и радовалась успехам взрослого, смеялась, (беззвучно), над весёлыми шутками и сердилась, когда кто-нибудь был не прав. Но выразить своих чувств она не могла никак и всегда оставалась испуганной фарфоровой нимфой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/de-kliari_kae/koldovskoy-zamok-chast-i-dveri

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)